нием печерских летописцев. Нестор соединил в своем произведении материал и особенности более старых печерских сводов с их антигреческой и общерусской направленностью и вместе с тем придал новому летописному своду „черты официальной сдержанности нового княжеского летописания“.[1]

* * *

К которому из перечисленных выше исторических пластов „Повести временных лет“, отражающих весьма различные этапы летописной работы в Киеве с середины XI по начало XII столетия, относятся приведенные выше экскурсы летописца в область вещественных, „археологических“ памятников?

Необходимо прежде всего подчеркнуть, что приведенные выше ссылки летописца на различные древние памятники отличаются чрезвычайной устойчивостью в отношении литературной формы. Из приведенных восемнадцати ссылок на различные древние памятники в шестнадцати случаях летописец пользуется почти трафаретной с литературной точки зрения формулой. Рассказ о смерти и погребении Олега заканчивается словами: „есть же могила его и до сего дни“; рассказ о смерти и погребении Игоря — словами: „есть могила его у Искоростеня града в Деревах и до сего дне“; рассказ о смерти и погребении князя Олега Святославича — „и есть могила его и до сего дне у Вручего“; рассказ о смерти князя Святополка Окаянного — „есть же могыла его в пустыни и до сего дне, исходит же от нее смрад зол“; рассказ о разгроме Святославом городов на Балканах — „яже стоять и до днешнего дне пусты“; рассказ о городах уличей и тиверцев на Днестре — „и суть гради их и до сего дне“; рассказ об укреплениях, созданных Владимиром под Киевом, — „и есть ров и до сего дне“; рассказ о церкви Ильи, в которой клялись дружинники Игоря, — „яже есть над ручаем, конець Пасынъче беседы и Козаре“; рассказ о Корсунской церкви Василия, в которой крестился Владимир, — „и есть церкви та стоящи в Корсуне граде, на месте посреди града, идеже торг деють Корсуняне“; рассказ о корсунской палате, в которой жил Владимир, — „полата же Володимеря с края церкви стоить и до сего дне, а царицына полата за алтарем“ (подразумевается также: „стоит и до сего дне“); рассказ о церкви, построенной Владимиром в Корсуни, — „яже церкви стоить и до сего дне“; рассказ о постановке в Киеве капищ и четырех коней — „иже и ныне стоять за святою Богородицею“; рассказ о церкви в Тмуторакани, выстроенной Мстиславом, — „яже стоить и до сего дне Тьмуторакани“; рассказ о церкви Бориса и Глеба в Вышгороде, выстроенной Изяславом в 1072 году, — „яже стоить и ныне“; и, наконец, рассказ о санях княгини Ольги, сохранившихся во Пскове, — „и сани ее стоять в Плескове и до сего дне“. Незначительно отличающийся с литературной стороны рассказ о погребении Аскольда и Дира вызван контекстом: „на той могиле (Аскольда, — *М. К.*) [Олма] поставил церковь святаго Николу (перед этим место могилы определялось словами: „къде ныне Олъмин двор“, — *М. К.*), а Дирова могила за святой Ориною“.

Повторяющийся неоднократно прием обращения к вопросам „исторической топографии“ отличается также чрезвычайной устойчивостью со стороны литературной формы. Древнее местоположение „города

[1] Д. С. Лихачев. Русские летописи . . ., стр. 171.